

приемлемый только вариант восточной церкви, наиболее близкий к пастырству, изложенному в Ветхом Завете, то в диалоге 1922 г.¹ он уже (впрочем, ненадолго) склоняется к пастырству в его католическом ключе, т.е. оправдывает притязания "папизма" на светскую власть (в 1917 г. для него это было совершенно неприемлемо²). Собственно, если мы не будем рассматривать его "прозрение" теократической власти именно в рамках христианской матрицы пастырства, то этот переход к "папизму" (как и "отскок" обратно) будет совершенно непонятен. В связи же с пастырством такие переходы вполне ясны - речь идет только о том, кто может и должен осуществлять пастырскую власть и в каких условиях и формах её вообще возможно осуществить.

Итак, анализ власти, предпринятый С.Н. Булгаковым в 1903 - 1917 гг., не является "новым", не является он и "современным" (новоевропейским), это анализ-возвращение к христианскому концепту "власть как пастырство". И хотя сам Булгаков не пользуется даже словом "пастырство", он, как мы думаем, выводит на свет этот концепт для того, чтобы показать невозможность решить проблему "благодетельной" (и тем более эсхатологической) власти в рамках "новых" теорий: прежде всего либерализма, который постепенно становится интеллектуально невыносим для него в силу своей механистичности, секулярности и обращению не к народу, а исключительно к индивидууму.

Скороходова С. И.

ПРОБЛЕМА «ВЛАСТИ» В ИСТОРИОСОФИИ Ю.Ф. САМАРИНА И С. Н. БУЛГАКОВА

У С. Н. Булгакова и славянофилов много тем и понятий, которые раскрыты очень созвучно. Например, темы «жизни», «смерти», «общечеловеческого» и «национального», «христианской свободы», творчества, мессианского смысла русской идеи, аскетизма как необходимого условия духовного здоровья и пр. В письме С. Н. Булгакова Ф. Д. Самарину от 5 сентября 1909 года, сохранившемся в архиве, говорится о согласии Булгакова со славянофилами в вопросах религии. Это позволяет говорить о развитии в философии Булгакова основных проблем, поставленных славянофильской мыслью, применительно к эпохе начала XX века. Таким образом, проблема власти – только одна из тем в общем контексте размышлений славянофилов и Булгакова о судьбе России и мира.

Впервые вопрос о власти в творчестве славянофилов был остро поставлен в работе Ю. Ф. Самарина «Князь», которую автор, впрочем, так

¹ Булгаков С У стен Херсониса. - СПб, 1993.

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний, С. 340-341.

и не решился обнародовать. В этой работе философ писал, что у всех народов «общезитие» обуславливается наличием двух начал: общего и личного. У славянских племён простым и естественным выражением общего является «мир». Его в разные времена обозначали по – разному: вече, земские соборы, думы. Согласно Самарину, общество в Древней Руси было целостным¹. Идея целостности противоположна дроблению, разрыву общества на две половинки, из которых одна управляет другой. Это определение подводит черту между обществом славянским и тем обществом, в котором право присваивают себе некоторое число избранных, составляющих неподвижный замкнутый круг.

Сознание личной свободы, личного достоинства не чуждо славянскому племени, но оно выражается совсем не так, как у германцев. Князь в понимании славян - это выражение идеи личности в живом факте², германцы определяют личность как отвлечённое понятие. У славян – лицо, у германцев – совокупность прав, законов и юридических форм, обрисовывающих отвлечённую идею личности.

В Древней Руси, по справедливому замечанию Самарина, было недоверие к формально – юридическим законам: закон создан для всех, а не для каждого, он немилостиво рубит всё, что попадает под его лезвие, и личность гибнет в неравной борьбе с ним. «Только живое, свободное... лицо, а не бездушный закон и не безличное орудие закона отзывается на мольбу страждущей личности»³, - считал Самарин. В признании юридически неограниченной власти одного лица, «мир», по мнению философа, выражает потребность тёплого сочувствия к судьбе всякого лица, к его требованию, к его горю, потребность сострадания, любви. В общественном развитии славян важна нравственная стихия, высокое требование любви, которое у других народов развивалось лишь в частной жизни.

В западном обществе, построенном на формально – логическом основании, власть, выражающая общие интересы, действует односторонне и силится погубить личную свободу, личность же не становится лучше, она не терпит ограничений и стремится обойти юридические преграды. Внутренние побуждения человека заражены эгоизмом, обществу до них дела нет, так как оно печётся о формальном исполнении закона, оно не противостоит злым началам, а только пытается воздвигнуть видимые пределы их проявлению. Таким образом, из многих односторонних и враждебных друг другу стремлений слагается механическое целое и возникает формальное единство. Это единство механическое и неустойчивое потому, что оно зависит не от внутреннего согласия составных частей, не от свободного и сознательного их действия, а от

¹ Самарин Ю. Ф. Князь. НИОР РГБ 265. 221. 14. Работа 1845 года. Л. 2.

² Самарин Ю. Ф. Князь. НИОР РГБ 265. 221. 14. Работа 1845 года. Л. 4.

³ Самарин Ю. Ф. Князь. НИОР РГБ 265. 221. 14. Работа 1845 года. Л. 5.

внешних принудительных сил, от «формулы». Самарин считал, что никакие попытки перераспределить власть и богатство по – новому не искоренят зла в обществе, и старая задача по – прежнему, как ненасытный сфинкс, вознесётся над развалинами, равнодушно хороня поколения и требуя новых жертв. Никакое искусственное средство не заменит для человека сознательное действие его духовных сил, никакая на досуге придуманная формула не создаст живого отношения между людьми.

Но то, считал Самарин, чего не может сформулировать логика, чего нельзя создать искусственными средствами, в жизни естественно и просто осуществляется через «любовь, согласие, сочувствие между «миром» и лицом»¹, которые, по мнению философа, необходимы больше, чем справедливые законы.

В древней Руси многих поражает неопределённость общественных отношений. Самарин отметил, что эти отношения выражаются в формуле: кто стар – тот отец, кто млад – брат. Нравственные обязанности, несмотря на раздоры, междоусобицы, угнетения, никогда не возводились в степень юридическую в древней Руси. Народ верил, что со временем нравственный закон проникнет в жизнь и получит такую силу, которая обойдётся без искусственных обязанностей. «С предчувствием этого времени русский народ не расстанется никогда; он верит в него и стремится к нему; он знает, что достигнет приблизительного совершенства... твёрдою верою в истинность самой цели, и вот, что даёт ему силу противоборствовать соблазну иного блаженства, которое скоро и легко достигается. *Может быть, это только мечта; но не забудьте, что одним стремлением к этой мечте жила вся Древняя Русь* (выделено мной – С. С.)...»². В заключении Самарин отметил, что в северо - западной Руси, в Новгороде и Пскове, власть князя была ограничена, князь не был ни государём и ни чиновником, представителем выборной власти. Философ считал, что такое отношение между властью и миром – исключение в Древней Руси, но не объяснил его причину.

Позиция Самарина по вопросу о власти была близка Ф. М. Достоевскому. Принципиальная отстранённость внешних юридических определений от борений совести наглядно показана писателем в его последнем романе «Братья Карамазовы». Достоевский писал: «В человеке, кроме гражданина, есть и лицо. Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лицо... Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Но отнять лицо у гражданина и оставить только гражданина нельзя: вышло бы нечто хуже коммунарского стада. Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд – моя совесть, то есть судящий во мне Бог...»³. Безусловно, что и Самарин, и Достоевский, и Булгаков не были

¹ Самарин Ю. Ф. Князь. НИОР РГБ 265. 221. 14. Работа 1845 года. Л. 11.

² Самарин Ю. Ф. Князь. НИОР РГБ 265. 221. 14. Работа 1845 года. Л. 14.

³ Цит. по Тарасов Б. Н. Вечное предостережение. «Бесы» и современность.// Новый мир, 1991 №8. С. 236.

противниками правовых отношений вообще, но они считали, что при недостатке духовно – нравственной основы и без высшей смысловой наполненности жизни общества внешние юридические законы не будут иметь никакого смысла.

Но, выходит, что Самарин, отрицая важную роль юридических законов в жизни общества, уповал на справедливого Князя, который способен видеть народные нужды, и на стремление самого народа к совершенным «общежительным» отношениям, построенным на любви и милосердии. Киреевский негодовал по поводу статьи, хотя и считал, что она - только «мост к дальнейшему развитию автора»¹. Мне кажется, Киреевский не вполне понял глубинный пласт размышлений Самарина, увидев только апологию власти, не ограниченной никакими законами.

Н.А. Бердяев считал, что славянофилы не чувствовали, что «во всякую власть государственную проникает дух антихристов, дух человеческого самообоготворения»², что «в государственности, в природе власти раскрываются глубины сатанинские»³.

Думаю, что образ государя в работе Самарина «Князь», по существу, относится к вечной правде человеческой природы. Он вырос из древнерусского представления об идеальном правителе. С другой стороны, философ ввёл образ Князя в конкретный исторический контекст, чтобы сделать его практически значимым, а не туманным и расплывчатым. Следует заметить, что при ясном видении идеала сознание Самарина никогда не меркло настолько, чтобы не замечать тёмных сторон прошлого и настоящего в истории своего отечества.

На мой взгляд, в основе статьи - те же эсхатологические чаяния, то же стремление к сверхземному абсолютному добру, к хилиастическому Царству Божьему, которые, по мнению Н. О. Лосского, лежат в основе русского философствования⁴. В отсутствии развитой формально – юридической законности на Руси Самарин увидел сознательный отказ от неё, связанный с взысканием Высшего Града, с верой в торжество абсолютного начала любви на земле. В. С. Соловьёв высказал сходные мысли: «Сущность истинного христианства есть перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божье...»⁵. Согласно Самарину, не к внешнему, формальному улучшению, а к внутреннему перерождению стремился русский народ.

Идея «Князя» имеет связь с обетованием, данным в Апокалипсисе, когда святые будут царствовать со Христом. Показательно, что одним из первых философских произведений на Руси явилось «Слово о законе и

¹ Киреевский И. В. Письмо по поводу статьи Ю. Ф. Самарина «Князь». НИОР РГБ 265. 223. 14.

² Бердяев Н. А.С.Хомяков. С. 132.

³ Там же.

⁴ Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт – на – Майне. 1957. С. 11, 28.

⁵ Соловьёв В. С. Об упадке средневекового мирозозерцания.// Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. М., 1990, Т. 2. С. 339.

благодати» митрополита Илариона. «Благодать» древнерусский писатель противопоставлял «закону». Самарин заметил, что в Древней Руси сама государственная власть понималась либо выше, либо ниже человеческого мира. Этот идеал, действительно, выражен в известных духовных стихах: «У нас Белый царь над царями царь»¹.

Идея Белого царя, родившаяся на Руси, - это идея преображенной власти, которая уже является не властью меча, но властью любви. Эта идея, по мнению Булгакова, хилиастическая. «Русь» в понимании древнерусского человека имела не национальное, но всемирное значение. Вместо Церкви в духовных стихах даётся слово «Русь», «Святая Русь», а национальное имя народа «сливается с пределами христианского мира и, следовательно, Церкви»². «Нет страны, которая не была бы для него (певца – С. С.) «русской землёй». (...) Единственный царь превосходит остальных царей»³. Национальные и политические последствия этого превосходства выражены в строке: «Ему орды все преклонилися»⁴. Ему дана власть над всем миром. «Надо всей землёй, над вселенною»⁵. В народном сознании произошло полное слияние Церкви и государства⁶. Думаю, что Князь Самарина – это некоторое подобие «Белого царя» Древней Руси. Подобная аналогия возможна потому, что Самарин, как известно, очень хорошо был знаком с древнерусскими текстами⁷.

Идеология личного освящения власти не имела, конечно, ничего общего ни с принятием определенного политического режима, ни с имперскими замыслами русских (то есть немецких) государей, ни с «национальным самодовольством» (Янов). За идеей преображения власти скрыто стремление к преображению мира. С. С. Аверинцев заметил: «В действительности не иначе как в раю может исчезнуть раскол между полным послушанием и свободой. Там, вероятно, авторитет и утратит свой статус, который отделяет его от чистой любви»⁸.

Отголоски древнерусского восприятия правителя проявились и в XX веке. Одним из примеров «особого» отношения к государю являются слова С. Н. Булгакова: «Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия. ... Я не был «монархистом» в политически партийном смысле, как есть и были они в России, и вообще я никого почти не знал, с кем мог бы разделить эти чувства мистической

¹ Федотов Г. П. Стихи духовные. Париж, 1935. С. 24.

² Там же. С. 93.

³ Там же.

⁴ Там же. С.93 – 100.

⁵ Там же. С.93.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ См. Дневник Самарина с надписью: «в этой книге будет записываться всё замечательное, что удалось прочесть, увидеть, услышать, относящееся к русской истории, преданиям, обычаям». НИОР РГБ 265.83.2.

⁸ Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» // София – Логос. К. 2001. С. 330.

любви...»¹. Е. Н. Трубецкой считал, что упразднение закона милостью было ещё мечтой князя Владимира после принятия им христианства, что это конечная цель не только человеческой истории, но и всего мирового процесса². Он называл при этом человека – «дитём божественной свободы»³.

К. С. Аксаков так же, как и Самарин, признал, что «православная монархия была издревле правительственной формой государства»⁴, но, подвергшись влиянию Запада, она распалась, народ и власть разошлись. К. С. Аксаков писал впоследствии: «Образовалось иго государства над землёю, и русская земля стала как бы завоёванной, а государство завоевательным»⁵. Он проницательно заметил, что политическое идолопоклонство порождает революции, потому что все кумиры неизбежно свергаются и падают. Аксаков впервые высказал идею, что русский народ – негосударственный.

У Хомякова и Самарина анархистская тенденция, на мой взгляд, отсутствовала вообще. Хомяков писал: «Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрепляйте её, дабы не впасть в безначалии и бессилии; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнения, как словесного, так и письменного. Она созидает силу духа, царство правды. Она нужна власти, которая без неё впадает в слепоту»⁶. Власть, по мнению Хомякова, не имеет божественного происхождения, но утверждается народом, поэтому и должна ему служить.

Трудно согласиться с С.С. Аверинцевым, который, анализируя «Великий инквизитор» Достоевского, писал об анархической тенденции в историософии Хомякова: «Во всяком случае, мы должны признать эту претензию Достоевского осуществить некий синтез между патриархальным монархизмом и страстью к свободе (то есть анархией – С. С.) – куда более глубокой, уверяет он нас, чем свобода либералов, - всерьёз. О, эта претензия далеко не шутка. Как у ранних славянофилов она даёт знать о глубинной анархистской тенденции, направленной против всякого формального авторитета, будь то государство или Церковь. Несомненно, благородное чувство христианской свободы у таких чистых личностей, как Хомяков, или таких глубоких, как Достоевский, ни в коей мере нельзя сравнивать с ложью тоталитаризма, и делать так поистине грешно. И всё же, когда развивается слишком мечтательное чувство отвращения даже к имени Авторитета – так что вопрос о легальности

¹ Булгаков С. Н. Агония.// Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 73.

² См. Кузнецова С. В. Концепция всеединства в западноевропейской и отечественной философской традиции. М., 2007. С. 132.

³ Там же. С. 128.

⁴ Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли.// Вестник Московского университета. Серия История. 1976. №5. С. 86, 89.

⁵ Янов А. Л. Славянофилы и К. Н. Леонтьев.//Вопросы философии. 1969, № 8. С. 99.

⁶ Хомяков А. С. ПСС: В 8 т. Т. 1. М., 1900. С. 405, 406.

Авторитета при этом ускользает или забывается – вот тут, и в тот же миг оказывается забытой проблема законных границ самого авторитета»¹. В реальной действительности общественная анархия порождает кровавый тоталитаризм, о чём предупреждал ещё Платон в «Государстве». Всё это знал и Хомяков.

Самарин искал пути сближения, согласия «власти» и «земли». Он так же, как и Хомяков, считал, что власть должна вырастать из народа и служить ему, а не быть отчуждённой от его нужд: «Карамзин сказал: история народа принадлежит царю. Да! Но и царь принадлежит истории народа»². Он предостерегал от недоверия к формам вообще, о чём писал в письме Аксакову³. В 1861 году Самарин отметил слабость исторической аргументации своего друга⁴. Только самодостаточную, самозаконную власть Самарин, безусловно, отверг. В уваровской триаде он трагически ощутил стремление власти к самодостаточности. С точки зрения философа, власть, которая руководствуется формулами без всякого содержания, «мёртвыми отвлечённостями», преступно жертвует им самыми существенными интересами отечества. Русская монархия того времени, действительно, «представляла некую мнимую величину, «отвлечённую мысль европеизма», как выразился однажды Герцен»⁵.

С.Н. Булгаков в работе «Об отношении церкви к государству» также охарактеризовал отвращение власти от Церкви и народа как «игралоце себялюбия», превращающее государственную организацию в царство «зверя», изображённое у Тайновидца⁶. Христианское начало, по его мнению, должно проникать, «пронизывать» область государственную. В этом смысле С. Н. Булгаков писал: «Всякая власть должна быть христианским служением»⁷. Булгаков был против отделения церкви от государства.

По словам Е. Н. Трубецкого, Соловьёв «вообразил, что русский народ – народ теократический или царский, призванный утвердить на земле Царствие Божие»⁸. Правда, к концу жизни он, по мнению Трубецкого, понял, «что государственности как таковой нет места в Царствие Божьем, что Царствие Божье даже в земном своём осуществлении не теократично, а анархично»⁹. В современное время, считал Трубецкой, «теократия изобличена и развенчана»¹⁰.

¹ Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» // София – Логос. К. 2001. С. 330.

² Письма Самарина Ю. Ф. Погодину М. П. 1867 – 1873. РГАЛИ 373. 1. 304.

³ Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли // Вестник Московского университета. Серия История. 1976. №5. С. 54.

⁴ Самарин Ю.Ф. Письма к Аксакову И. С. 265. 38. 2. Л. 14. «В статьях Константина Аксакова много неисторического».

⁵ Флоровский Г. Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 153.

⁶ Булгаков С. Н. Об отношении церкви к государству. М., 1917. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Трубецкой Е. Н. Старый и новый мессианизм // Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1996. С. 302.

⁹ Там же. С. 303.

¹⁰ Там же.

Булгаков писал, что в Откровении нет прямого ответа на вопрос о власти¹, но считал, что обоженное человечество — общество сакраментально, иерархически, институционно организованное². Полагаю, что согласно анализу текста Апокалипсиса, Царство Божие на земле всё же - теократия, в нём есть цари: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник — Агнец. Спасённые народы будут ходить во свете его, и *цари земные* (выделено мной – С. С.) принесут в него славу и честь свою» (Откр. XXI, 24). О. Сергей Булгаков писал, что древнерусская концепция Белого Царя очень созвучна тексту Откровения и отличается хилиастическим характером³. В Библии также сказано, что народы Гога и Магога восстанут против стана святых и города возлюбленных (см. Откр. XX, 8). Трудно представить, чтобы в конце времён, согласно тексту Апокалипсиса, осталось всё зло мира, которое восстало бы против царства, стоящего выше земли и неба, правитель которого — Агнец - Христос. Скорее всего, в Откровении говорится о земном Царстве, правитель которого - земной царь(?). Оно, согласно Булгакову, предшествует ослепительному обетованию всеобщего апокатастасиса, когда, действительно, должен воцариться Господь Бог Вседержитель (см. Откр. XIX, 6), который отрёт всякую слезу (см. Откр. XXI, 4), когда смерть и ад будут повержены в огненное озеро (см. Откр. XX, 14). В творчестве славянофилов отсутствовал мотив Воскресения из мертвых. Но, с точки зрения Булгакова, первое «предварительное» воскресение, которое свершится в тысячелетнем царстве, не будет телесным, но только душевно — духовным.

Христианская теократия Самарина, Киреевского и Булгакова, в которой власть будет не властью меча, но властью любви, отличается от ветхозаветной, которая также должна осуществиться в рамках истории и мыслится как земное царство, где сам Господь и Судья, и Законодатель, и Правитель, и Царь своего народа. Она не чувственно - символическая, как ветхозаветная, а духовно — нравственная: в Новом Завете изображено приблизившееся Царство Божие прежде всего как царство внутреннее, духовно-нравственное, для вступления в которое требуется покаяние и вера, духовное перерождение. Во - вторых, христианская теократия, не узко - национальная, а всемирная, в которой, однако, не упраздняется национальное своеобразие, а органично проявляется в общем стройном «хоре».

Киреевский и Самарин считали построение теократического государства в России возможным начальным этапом на пути ко всеобщему торжеству христианских принципов жизни, но никакого догматического

¹ См. Булгаков С. Н. Апокалипсис Иоанна. М., 1991. С. 237.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 189.

развития православия они не признавали. Итак, построение теократии в России они связывали с новозаветным представлением о Царстве Божьем как горчичном семени. Едва заметный начаток веры развивается в огромное и всеобъемлющее образование новой жизни. Оно не явится в законченном и совершенном виде, ему предстоит продолжительный процесс развития. Согласно этим представлениям, Царство, прежде чем осуществится в окружающей среде, производит в ней великое брожение, и в этом смысле сравнивается с закваской, проникающей всю массу теста. Новое начало проникает и уподобляет себе все элементы окружающей среды.

Главы XIX, XX Апокалипсиса, по мнению Булгакова, - сверхпророчество о тысячелетнем царстве праведников, которое является сердцевиной Библии. Мессианские идеи славянофилов были ему не чужды. За это его критиковал Е. Н. Трубецкой.

Интересно, что в работе «Смысл жизни» Трубецкой сблизился и с Самариным, Киреевским и Булгаковым. Он проанализировал различное понимание конца истории, фаталистическое и христианское, и пришёл к выводу, что цель истории — вовсе не конец жизни, а совершенная полнота. Человечество должно созреть, обнаружить высший подъём энергии для принятия Богочеловека, грядущего в мир.

Таким образом, Самарин, Булгаков, Трубецкой понимали конец мира динамическим, в котором творчество человека и народа очень значимо. Оно не есть «какой – либо внешний, посторонний миру акт божественной магии»¹. Мировой процесс во времени имеет свой смысл – в нём происходит откровение высшего, всеединого смысла, который «объемлет в себе и вечное, и временное, и безусловное, и относительное»². Именно в эсхатологическом контексте следует, на мой взгляд, понимать и учение Самарина и Булгакова о власти – преображённой власти в мире любви.

Костяев А.И.

СЕНСОРНЫЕ КОДЫ В ТЕКСТАХ С.Н. БУЛГАКОВА: ВКУС И ЗАПАХ

Сенсорика представляет собой тип невербальной коммуникации. Наряду с другими сторонами этой коммуникации отношение к миру, другому человеку формируется на основе ощущений, органов чувств. Особое значение в общении играет запах и вкус. Код - это способ обращения со значениями, необходимый для группировки множества объектов. Понятие «код» и связанные с ним характеристики являются универсальными для всей социокультурной системы, тем не менее, они

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни.// Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1996. С. 292.

² Там же. С. 296.